АЛЕКСАНДР СЕДОВ:
«МЫ РАССКАЗЫВАЕМ ЛЮДЯМ
ОБ ИХ КУЛЬТУРЕ»

ALEXANDER SEDOV:
“WE TELL PEOPLE ABOUT THEIR CULTURE”

© 2021 **Александр Всеволодович Седов**

доктор исторических наук, Генеральный директор
Государственного музея Востока, ведущий научный
сотрудник Института востоковедения РАН, Москва
asedov@orientmuseum.ru; ORCID ID: 0000-0001-8303-5599

Alexander V. Sedov

DSc (History), Director-General of The State Museum of
Oriental Art, Leading Research Fellow, Institute of Oriental
Studies RAS, Moscow; asedov@orientmuseum.ru
ORCID ID: 0000-0001-8303-5599

Марина Витальевна Стародубцева

магистрант Европейского университета, Санкт-Петербург,
Россия; marina.starodubcev@gmail.com
ORCID ID: 0000-0002-3015-9616

Marina V. Starodubtseva

Post-graduate Student, European University
Saint-Petersburg, Russia; marina.starodubcev@gmail.com
ORCID ID: 0000-0002-3015-9616

Интервью с Генеральным директором Государственного музея Востока, доктором исторических наук Александром Всеволодовичем Седовым приурочено к запуску осенью 2021 года новой магистерской программы Восточного факультета Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и Отдела истории Востока Института востоковедения РАН «Социально-культурное развитие стран Восточной Азии»¹, которую А. В. Седов возглавляет как научный руководитель (руководитель программы — заведующая Отделом истории Востока ИВ РАН Д. В. Дубровская). Интервью фокусируется на притягательности культуры и искусства Востока, их трансляции широкому зрителю через выставки музея, выходит на уровень обсуждения проблематики сохранения культурного наследия и непростых вопросов целесообразности и уместности музеефикации археологических памятников (на примере Пальмиры в Сирии, памятников Омана и Йемена).

Ключевые слова: Государственный музей Востока, А. В. Седов, интервью, история востоковедения, культурное наследие, Хакасия, археология Йемена, устная история, Пальмира, храм Бела, Оман, Баракиш, храм Накрах, Хор Рори

Для цитирования: Седов А. В., Стародубцева М. В. Александр Седов: «Мы рассказываем людям об их культуре». *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2021. № 3–4. С. 21–38. DOI 10.18254/S268684310017997-4

An interview with Alexander V. Sedov, the Director-General of The State Museum of Oriental Art devoted to the launch of the new master's program of the Faculty of Oriental Studies of the State Academic University for the Humanities (GAUGN) and the Department of Oriental History of the Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences "Socio-Cultural Development of East Asian Countries", which is headed by Alexander Sedov as an academic curator (Dinara V. Dubrovskaya, the head of the Department of Oriental History of the Institute of Oriental Studies RAS, is the supervisor of the program). The interview focused on the attractiveness of the Eastern art and culture and their broadcasting to a wider audience through the exhibitions of the Oriental museum, reaching the level of discussion of the problems of preserving cultural heritage, questions of the feasibility and relevance of museumification of archaeological sites such as Palmyra in Syria, monuments in Oman and Yemen.

Keywords: The State Museum of Oriental Art, Alexander V. Sedov, interview, history of Oriental studies, cultural heritage, Yemen archeology, Palmyra, Temple of Bel, Oman, Baraqish, Temple of Nakrah, Khor Rori

For citation: Sedov Alexander V., Starodubtseva Marina V. Alexander Sedov: "We Tell People about Their Culture". *Vostochnyi Kurier / Oriental Courier*. 2021. No. 3–4. Pp. 21–38. DOI 10.18254/S268684310017997-4

ФОТО ДЛЯ АЛЬБОМА

— М. С.: На протяжении уже многих лет вы руководите Государственным музеем Востока и именно музей выступает площадкой для формирования представлений о Востоке среди широкой публики. Открываются новые образовательные программы — недавно вы возглавили в качестве ку-

ратора новую программу Восточного факультета Государственного университета гуманитарных наук (ГАУГН) «Социально-культурное развитие стран Восточной Азии». Чувствуете ли вы в последние годы повышение интереса к Востоку?

— А. С.: Почему только в последние годы? По-моему, интерес к Востоку существовал всегда. Да вообще-то и наша цивилизация возникла

¹ Социально-культурное развитие стран Восточной Азии. Магистерская программа Восточного факультета ГАУГН. Государственный академический университет гуманитарных наук. URL: <http://helium.global/gaugn/master-culture> (accessed 29.10.2021).

Доверительная беседа
в директорском кабинете
Фото © Д. Дубровская

и во многом сформировалась на Востоке, в Месопотамии (т. е. на территории современного Ирака), в Египете, в Иране, в Индии, в Китае. Все это восточные страны. В XVIII веке Европу, и Россию также, «накрыла» волна *шинуазри*, дословно *китайщины* — это использование мотивов китайского, либо более широко — дальневосточного искусства в архитектуре, живописи, декоративно-прикладном искусстве, украшении интерьера, costume и многом другом. Еще в начале XX века во многих московских и санкт-петербургских гостиных на видном месте лежали альбомы японских студийных постановочных черно-белых фотографий, раскрашенных акварелью. Они до сих пор являются предметом собирательства и несколько лет назад в нашем музее с успехом прошла выставка такой коллекции («Зерцало вкуса в сезон перемен», 2011 г.). Так что интерес к Востоку, причем не только к Дальнему, существовал всегда.

В XIX веке добавился интерес к Востоку Ближнему, а, например, уже в наше время — возник широкий интерес к индийскому кинематографу, к предметам индийского ремесла, не говоря уже об интересе к искусству восточных единоборств. Флером таинственности всегда была окутана Средняя Азия с ее минаретами, куполами мечетей и гробниц с небесно-голубыми изразцами, с мелодичным чтением Корана. А интерес к Шамбале, к Тибету не прекращался никогда. Таинственный, одухотворенный и ми-

стический Восток, отличающийся от приземленного материалистического Запада, — так он воспринимался всегда.

— М. С.: *Мне кажется, что когда на Западе наступает кризис идей, там повышается интерес к Востоку. Сейчас все больше людей обращаются к эзотерике и мистическим учениям. Получается, что поиск новых ориентиров снова направлен на Восток.*

— А. С.: Но и это отнюдь не тенденция только последних лет. Например, многие мои знакомые в свое время отдали дань йогическим практикам. Подозреваю, что мой интерес к Востоку был предопределен местом рождения — родители строили ГЭС в Азербайджане, я родился в Мингечауре. В Институт стран Азии и Африки при МГУ (в мое время он назывался Институт восточных языков) всегда было не поступить, это было элитарное заведение. Попасть на работу в Институт востоковедения считалось счастьем, большой удачей. А уж выехать на работу в восточную страну — счастье совсем великое.

«Поворот на Восток» И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

— М. С.: *И все же откуда пошел ваш профессиональный интерес к культуре Востока?*

— А. С.: В 1968 году после первого курса университета у нас была обязательная архео-

Подписание договора о сотрудничестве между Восточным факультетом ГАУГН и Государственным музеем Востока в связи с открытием магистерской программы «Социокультурное развитие стран Восточной Азии»: заместитель декана Востфака ГАУГН Е. В. Кузнецова, А. В. Седов и Д. В. Дубровская

Фото © М. Стародубцева

логическая практика. Студенты истфака были распределены по группам и одна половина курса поехала в Новгород, а вторая — на «Чайку» в Евпатории². Наша группа — видимо, по воле случая — оказалась откомандирована в Хакасию, в Абакан, в Южную Сибирь. Я поступал на истфак, потому что занимался в школе в археологическом кружке. Но тогда был в моде интерес к современной истории и все хотели идти на кафедру Нового и Новейшего времени чтобы изучать современную Англию или США, и я не был исключением.

На практику в Абакан мы ехали на поезде три с половиной дня и когда на утро третьего дня пути я открыл глаза, то увидел в окне пейзаж потрясающей красоты — это была Хакасия. И вместо одного месяца я провел там почти два, а когда вернулся в Москву (это было начало второго курса), пошел на кафедру археологии и сказал, что хочу специализироваться на изучении археологии Сибири. Сибирь ведь это тоже Восток.

С тех пор я каждый год ездил туда в экспедиции, а в 1972 году, после университета, мой профессор Леонид Романович Кызласов рекомендовал меня на работу в Институт востоковедения³.

Тогда там формировался новый сектор, который возглавил Борис Анатольевич Литвинский, и была организована археологическая экспедиция в Таджикистан⁴. Меня взяли в институт на должность старшего научно-технического сотрудника, иными словами старшего лаборанта, и пять-шесть месяцев в году я находился на раскопках. Моя кандидатская диссертация была посвящена археологическим памятникам Таджикистана. А в 1983 году начался Йемен. Первоначально это было чистое любопытство, и я совмещал поездки в Йемен с поездками в Таджикистан. Но очарование страны на Аравийском полуострове затягивало все больше и больше, и в конце-концов я полностью переключился на доисламскую археологию Аравии [Институт востоковедения РАН... 2018, с. 218–

2 Греко-скифское городище в Крыму в районе Евпатории. См. подробнее: Городище «Чайка». Сельскохозяйственная фактория Керкинитиды. *WayBack Machine*. URL: <https://web.archive.org/web/20090130033431/http://evpatoriya-history.info/history/begin/chayka.php> (accessed 28.10.2021).

3 Страница А. В. Седова на сайте Института востоковедения со списком основных публикаций ученого. Александр Всеволодович Седов. *Институт востоковедения РАН*. URL: <https://www.ivran.ru/persons/165> (accessed 29.10.2021).

4 См. Подробнее в этом же номере: [Михайлов, 2021].

219]. Получается, что практически вся моя сознательная жизнь и работа были так или иначе связаны с Востоком, правда я перемещался по Евразийскому континенту с северо-востока на юго-запад.

— М. С.: *У вас было понимание того, почему вы все это делаете?*

— А. С.: Потому что интересно. Мне повезло — мое хобби всегда совпадало с моей работой. Работа никогда не велась по принуждению. Наверное, какую-то роль играл и просветительский или, скорее, образовательский фактор. В экспедициях у нас всегда работали студенты, и в Хакасии, и в Таджикистане. Студентов института душанбинского университета отправляли собирать хлопок, а руководство экспедиции договаривалось с деканатом и мы часть студентов брали с собой в археологическую экспедицию в качестве рабочих. У них была и работа, и практика, и лекции. Что мы тут делаем, зачем копаем, что все это значит, рассказывали мы и местным жителям из соседних селений, которые также работали у нас на раскопках.

— М. С.: *А что вообще значило в Советском Союзе быть археологом?*

— А. С.: В первую очередь это означало маленькую зарплату. Правда, в добавление к этому были романтика, поездки, интересная работа, хотя, как многие считают, довольно однообразная и кропотливая — не все же находят гробницу Тутанхамона.

БУДДИЙСКОЕ СВАТИЛИЩЕ В УЗБЕКИСТАНЕ И АРХЕОЛОГИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

— М. С.: *Что стало вашим самым большим открытием?*

— А. С.: Наверное, не самым большим, а самым запоминающимся. В 1975 году на ранне-средневековом городище Калаи-Кафирниган в Таджикистане на том участке, где я был руководителем раскопок, нам посчастливилось найти руины буддийского святилища с остатками настенных росписей и глиняной скульптуры. Ког-

да буквально на второй день после начала работ из-под лопаты студента выскакивает обломок сырцового кирпича, на поверхности которого видны полосы краски, и ты кричишь ему «Остановись!», а потом реставраторы осторожно расчищают тот участок стены, от которой откололся кирпич, и открывается фреска с изображением сидящего Будды и процессии донаторов, — ты испытываешь неповторимые и ни с чем не сравнимые эмоции, ведь ты видишь произведение, которое создал безвестный художник почти полторы тысячи лет назад!

— М. С.: *Ныне превалирует критическое отношение к работе Советского Союза в этом регионе. То, что одни называют его модернизацией, другие объявляют проявлением колониализма.*

— А. С.: На мой взгляд, это больше игра в слова, жонглирование терминами. На раскопках не думаешь ни о «модернизации», ни о «проявлениях колониализма», а изучаешь древнюю культуру. Конечно, вхождение Средней Азии сначала в состав Российской Империи, а затем Советского Союза способствовало не только экономическому развитию.

Однажды, несколько лет назад, я возвращался в Москву из какой-то страны Юго-Восточной Азии и самолет пролетал над территорией Северного Афганистана, Южного Таджикистана и Южного Узбекистана. Было удивительно чистое небо, внизу прекрасно виднелась извивающаяся лента Амударьи. И разительный контраст: к северу от Амударьи, там где Таджикистан и Узбекистан, — сады, поля, система оросительных каналов, все зеленое, все возделано, а на афганской стороне — серая однотонная пустыня.

Конечно, вхождение в Российскую Империю и Советский Союз повлияло на экономическое развитие Средней Азии, но и на культурное развитие тоже. В 1920-е – 1930-е годы там закладывались основы современного изобразительного искусства, а переезд в 1920 году группы ученых и преподавателей из Москвы в Ташкент положил начало созданию легендарного Среднеазиатского государственного университета

На открытии выставки,
посвященной 200-летию Института
востоковедения РАН. 2018 г.

Фото © Дарья Моева

(САГУ). В 1940-е годы во время эвакуации там преподавали профессора Московского университета, а его археологическая школа мало в чем уступала Москве и Ленинграду. В послевоенные годы и позднее из нее вышла целая плеяда великолепных специалистов, да и сегодня выпускники Национального университета Узбекистана имени Мирзо Улугбека высоко котируются.

— М. С.: *А в каком состоянии находится археология в этих странах сейчас? Что изменилось?*

— А. С.: Если использовать выражение из известной детской сказки, то «пациент скорее жив, чем мертв». Продолжаются масштабные археологические работы, совершаются новые открытия, проводятся научные конференции. Конечно, кое-что было утрачено, ведь произошел отток специалистов, иногда значительный, как, например, из Таджикистана, несколько сократился общий объем научных исследований. Но виной тому и «естественные причины» — смена поколений, уход в мир иной послевоенного поколения ученых, ученых-энциклопедистов.

Кардинальные изменения произошли для российских археологов, работавших в Средней Азии и Казахстане, в Закавказье. С провозглашением независимости центральноазиатских

и закавказских республик экспедиции в эти регионы автоматически приобрели статус иностранных или международных. Соответственно, выстраиваются другие взаимоотношения. Часто для того чтобы организовать экспедицию, теперь нужно межправительственное соглашение. Да и деньги для проведения таких экспедиций нужны совсем другие. Наиболее оптимальным вариантом в этой ситуации является организация совместных экспедиций с нашими зарубежными коллегами. **Именно такая экспедиция организована нами сейчас в Хорезме — вместе с Институтом востоковедения РАН и Институтом гуманитарных исследований Каракалпакского филиала АН Узбекистана.**

Еще одна проблема — отсутствие возможности пополнения собрания музея артефактами, находимыми при наших раскопках. Если раньше, до 1991 года, когда мы работали, например, в Узбекистане, мы могли привозить в Россию часть найденных предметов, то сейчас это исключено. Это существенное изменение, вынуждающее нас работать преимущественно в пределах границ Российской Федерации.

— М. С.: *В Узбекистане с приходом нового руководства изменилась политика в отношении*

Вид Пальмиры и храма Бела (на заднем плане) до разрушения
По: URL: <https://www.khanacademy.org/humanities/ancient-art-civilizations/palmyra2/ancientpalmyra/a/temple-of-bel-palmyra>

культурного наследия, делается ставка на туристическую привлекательность памятников культуры. Как вы относитесь к такому подходу?

— А. С.: Узбекистан всегда был очень привлекателен с туристической точки зрения, и можно только приветствовать тот факт, что его туристическая отрасль получила новый импульс. Помимо Министерства культуры теперь созданы новые структуры, например, Министерство туризма и спорта, в ведение которого перешли некоторые крупные музеи (например, музей им. И. Савицкого в Нукусе) и такие всемирно известные памятники культуры, как комплекс Регистан в Самарканде, Ичан-кала в Хиве и другие. Под патронажем Шавката Мирзиёева, президента Узбекистана, работает Всемирное общество по изучению, сохранению и популяризации культурного наследия Узбекистана. Проводятся крупные международные конгрессы, на которых ученые со всего мира обсуждают вопросы изучения и популяризации культурного наследия Узбекистана, его роль в становлении и развитии мировой цивилизации. Регулярным событием стало проведение Недели культурного наследия Узбекистана (в этом году она прошла в сентябре в Ташкенте, Хиве и Нукусе и включала в себя проведение V Международного

конгресса «Культурное наследие Узбекистана — фундамент Нового Ренессанса»). В рамках крупного мультимедийного проекта издаются альбомы «Культурное наследие Узбекистана в собраниях мира». Заявлено, что опубликовано и подготовлено к печати 50 томов этой серии, а ее первый том посвящен коллекции нашего музея.

Впечатляет размах реставрационных работ на памятниках Узбекистана. В принципе, в реставрации памятников есть две тенденции: либо стараться **сохранить только то, что осталось, проводя преимущественно консервацию, либо, опираясь на научные изыскания, осуществлять хотя бы частичное восстановление, воссоздание памятника.** Последний подход, скажем, более туристический, с успехом используется, например, в Турции, в Иордании, в Сирии. Не всем туристам интересно бродить в руинах, в развалинах, многим все-таки интересно посмотреть «как это было на самом деле».

В качестве примера можно привести знаменитую **Пальмиру**, где параллельно с раскопками были проведены значительные работы по музеефикации объектов, включавшие в себя и воссоздание древних сооружений. Эти работы начались еще в 30-е годы XX века, когда была частично восстановлена монументальная арка. В 1970-е и 1980-е годы масштабные работы по

реконструкции коллонад вдоль улиц древнего города, античного театра, храмов Бела⁵ и Баал-шамина были проведены сирийскими специалистами. Пальмира стала одной из туристических жемчужин Сирии. К сожалению, многое из восстановленного и реставрированного было разрушено террористами. Пальмира сейчас опять лежит в руинах.

Руины или Диснейленд: КАК МУЗЕЕФИЦИРОВАТЬ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ

— М. С.: Но не превращаются ли таким образом древние города в продукт для туристического потребления?

— А. С.: А чем плохо то, что вы называете «туристическим потреблением»? В конце-концов, и реставрация, и музеефикация делаются для туристов, для того чтобы люди приезжали и знакомились с памятниками. Как я уже говорил, кому-то интересно походить по развалинам, а кому-то интереснее представить, как выглядели сооружения, когда они еще не были развалинами. Главное — пытаться соблюсти баланс между подлинными частями и тем, что восстановлено или воссоздано, чтобы памятник не выглядел как отстроенный новодел, но в то же время не оставался руинами, в которых ничего не понятно, да и жить там или использовать их невозможно.

Не надо забывать о том, что многие памятники продолжают оставаться обитаемыми, как, например, старый город в Баку или потрясающий по выразительности город глиняных небоскребов Шибам в Хадрамауте в Йемене. Конечно, после реставрационных работ «шарм старины» часто теряется, пусть частично, однако даже такая прозаическая вещь, как появившиеся коммунальные удобства делают быт местных жителей значительно комфортнее.

— М. С.: Арабские монархии уделяют ныне большое внимание традициям, культуре. Как вы объясняете этот процесс? Связан ли он с необходимостью выстраивания национальной идентичности, вопрос о которой сегодня весьма актуален?

— А. С.: Почему только монархии? На Ближнем и Среднем Востоке много и демократических государств, с парламентами, избираемыми депутатами и президентами, да и вопрос поиска национальной идентичности вряд ли напрямую зависит от политического устройства либо географического положения страны. Что касается арабских государств побережья Персидского залива, то практически до начала 1960-х годов это были весьма бедные малонаселенные территории, а нефтяной бум сделал из них государства необычайно богатые.

Существовало несколько путей развития, несколько направлений, на которые они могли тратить «свалившиеся» на них деньги. Один из них — милитаризация экономики, сознания и всей жизни, другой — повышение благосостояния населения, реализация инфраструктурных проектов. Был выбран второй путь, тем более что территория относительно небольшая и населения не очень много. Огромные средства были вложены в подъем культурно-образовательного уровня коренного населения: появилась возможность получения образования не только в создаваемых в стране учебных заведениях, но и в престижных вузах за рубежом, создание современной инфраструктуры, развитие туристических услуг с помощью привлечения квалифицированных иностранцев, открытие музеев, проведение книжных ярмарок, всевозможных международных форумов, приглашение зарубежных специалистов для изучения их прошлого и настоящего, — все это привело к повышению культурного уровня населения.

5 Или храм Баала, посвященный верховному богу Пальмиры. Храм входил в состав археологического комплекса и представлял собой главную святыню города. Разрушен в 2015 г. боевиками радикальной террористической группировки «Исламское государство» (запрещена в России), практически полностью уничтожившими его взрывом. — Ред. См. подробнее: Becker J. A. Temple of Bel, Palmyra. *Khan Academy*. URL: <https://www.khanacademy.org/humanities/ancient-art-civilizations/palmyra2/ancientpalmyra/a/temple-of-bel-palmyra> (accessed 28.10.2021).

Республика Йемен, Хадрамаут, древний оазис Райбун. Раскопки остатков жилого дома VIII–VI вв. до н. э. на городище и реконструкция храма Сайина зу-Майфа'ан (VIII–I вв. до н. э.)

Фото и рисунок © из личного архива А. В. Седова

Исходя из ресурсов и ментальности в странах Залива была сделана ставка на строительство крупнейших музеев: если в Катаре организуется Музей исламского искусства, значит, он будет самым большим в мире и на аукционах **без торга будут скупаться оставшиеся шедевры древнего и средневекового искусства.** Конечно, они живут на нефтяных и газовых озерах и это позволяет им сосредоточивать у себя гигантские денежные потоки. Что представлял собой, например, Дубай всего два поколения назад? Это была рыбацкая деревня. Сейчас же это один из крупнейших логистических центров всего мира. Страны Залива намерены создавать не только транспортные, но и культурные хабы и надо признать, многое у них получается.

ЙЕМЕН МЕЖДУ ХИМЬЯРИТСКОЙ ИМПЕРИЕЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНОЙ

— М. С.: При этом они активно поддерживают изменения в разных точках Ближнего Востока: можно вспомнить, как активно на Аль-Джазире шла поддержка Арабской весны. Однако в некоторых местах эти изменения привели к плачевным последствиям. Входит ли новый курс нефтяных монархий и распространение их влияния в противоречие с развитием других стран на Ближнем Востоке?

— А. С.: Вообще-то, этот вопрос не по адресу. Я не политолог и не специалист по новейшей истории Ближнего Востока и могу высказывать свои суждения только как дилетант или, если хотите, как наблюдатель, волей случая оказавшийся свидетелем событий, происходивших в одной из стран юга Аравийского полуострова. Йемен, по-моему, — единственная страна на полуострове, являющаяся демократической по своему политическому устройству. Это не монархия. В Йемене есть (или по крайней мере были до самого последнего времени) парламент и избираемый президент. Раньше существовали два государства: Йеменская Арабская Республика и Народно-Демократическая Республика Йемен, а после объединения в 1990 г. — **Республика Йемен.**

На протяжении тридцати лет, с 1983 по 2013 годы, мне посчастливилось практически ежегодно по несколько месяцев работать в этой стране, а лучше сказать — странах, в составе сначала Советско-Йеменской комплексной экспедиции АН СССР, а потом, после 1991 года, в составе Российской археологической миссии ИВ РАН в Республике Йемен. К сожалению, внутренние противоречия привели к тому, что сейчас она находится в состоянии гражданской войны. На мой взгляд — подчеркиваю, на взгляд неспециалиста — это результат трайбализации

общества, изначально присущей Йемену и не преодоленной. И я не уверен возможно ли ее преодолеть вообще. Помимо этого, возможно, сыграли роль и религиозные противоречия, ведь то, что называлось Северным Йеменом, в течении длительного времени было зейдитским⁶ имаматом, тогда как остальная территория, включая крупнейшую провинцию Хадремаут, — это суннитские области. Территория Йемена никогда, за редким исключением глубокой древности (в IV–V вв. здесь существовала могущественная **Химьяритская империя**), не составляла единого государства. До объединения это были два независимых государства, а еще раньше — небольшие разрозненные эмираты и султанаты, существовавшие под чьим-либо протекторатом, либо провинции более могущественных государств.

Не будем забывать, что всего-навсего чуть более столетия назад практически весь Ближний Восток был объединен в рамках единой **Османской империи**. Национальные образования, появившиеся на карте мира, — Сирия, Ирак, Ливан, Йемен, Иордания, — результат ее распада. Как нас учили, с одной стороны это результат национально-освободительных движений, а с другой — результат раздела этих территорий «проклятыми империалистами», которые «нарезали» территории этих новых государств так, как им представлялось удобным, без учета племенных, этнических, историко-географических границ. В результате получилось, например, что Сирия и Ирак были созданы, а курдское государство нет.

Является ли «арабская весна» чем-то принесящим извне или это все-таки результат внутреннего развития — вопрос дискуссионный. Вряд ли справедливо говорить, например, что восстание в Тунисе, приведшее к смене президента, произошло исключительно из-за давления извне. Вероятно, все-таки были какие-то ошибки и в политическом, и в экономическом развитии тунисского общества. Это справедли-

во и для Сирии. На мой взгляд, существовал, да и сейчас существует, целый комплекс проблем. Нельзя однозначно говорить, что во всем виноваты американцы или, например, иранцы. Все значительно сложнее.

— **М. С.:** *Вы специалист по древней культуре Йемена. Как получилось, что вы попали в эту страну?*

— **А. С.:** Это произошло в 1983 году, я приехал в составе Советско-Йеменской комплексной экспедиции Академии наук СССР. Это была, наверное, крупнейшая зарубежная гуманитарная научная миссия за всю историю Академии. В ее состав входили археологи, этнографы, антропологи, лингвисты, ученые других специальностей. Районом работ экспедиции была выбрана историко-культурная область Хадремаут и связанные с ней области Махра и остров Сокотра. Это современные одноименные провинции Йемена.

Ближний Восток: ОТКРЫТИЯ И РАЗРУШЕНИЯ

— **М. С.:** *У вас очень богатый опыт работы на Ближнем Востоке. Чем работа в Йемене отличалась от работы в других ближневосточных странах?*

— **А. С.:** На самом деле, я работал только в двух странах — в Йемене и в Омане, а в остальных побывал, правда не по одному разу, только в качестве визитера. Разница довольно существенная, обусловленная в первую очередь экономическим развитием государств. В Йемене работы нашей экспедиции рассматривались местными чиновниками, да и советскими официальными лицами как своеобразная гуманитарная помощь этой стране. Большое внимание экспедиции уделяло советское, потом российское посольство, но поддержка была исключительно организационной и моральной, а не материальной. В Омане все совсем по-другому. **Изучение истории Омана, в том числе доисламской истории, — государственное дело.** Выделяются значительные

6 Зейдиты — приверженцы одного из «умеренных» шиитских течений в исламе, образовавшихся в VIII в. в Арабском халифате. — *Ред.*

С научным руководителем Института востоковедения академиком РАН В. В. Наумкиным во время работы экспедиции на острове Сокотра (раскопки руин церкви VII–XII вв. на городище Хаджря)
Фото © из личного архива А. В. Сарабьева

ресурсы, строятся большие интересные музеи. В Маскате в университете была открыта кафедра археологии, ежегодно выпускавшая археологов. Потом, правда, ее закрыли, потому что поняли, что наблюдается перепроизводство археологов для такой небольшой страны.

Я работал в составе ИМТО — Итальянской миссии в Омане, с коллегами из Пизанского университета. Объектом работ был **древний город Сумхурам в лагуне Хор Рори**⁷, — одно из самых крупных и хорошо сохранившихся городищ в Омане. За более чем двадцать лет мы раскопали и музеефицировали его практически полностью, примерно на 80 процентов, создав один из лучших в Омане туристических объектов. В отличие от Йемена, в Омане туризм значительно более развит: его пытаются превратить в современную индустрию. У них и ресурсов несравнимо больше, есть и понимание того, как это нужно делать, то есть, чтобы получить какую-то прибыль, нужно много вложить. Они не жалеют денег ни на раскопки, ни на консервацию, ни на музеефикацию объектов, ни на музейную инфраструктуру (кафе, сувенирные киоски и пр.).

— М. С.: А с чем было связано внимание Советского Союза именно к Йемену?

— А. С.: С конца 1950-х годов на юге Аравийского полуострова существовала федерация

арабских княжеств, называвшаяся Федерацией Южной Аравии. После изгнания англичан 30 ноября 1967 года была провозглашена Народная Республика Южного Йемена, переименованная в 1970 году в Народную Демократическую Республику Йемен. Созданная в 1978 году правящая Йеменская социалистическая партия стала ориентироваться на коммунистическую партию Советского Союза, провозгласив в качестве цели развития страны построение социалистического общества. И Советский Союз стал оказывать посильную помощь в развитии этого государства, в воспитании новой партийной и государственной элиты.

— М. С.: Почему это так хорошо легло на местную почву, в отличие, например, от Афганистана, где у Советского Союза были существенные проблемы?

— А. С.: Трудно сказать. Наверное, Афганистан — более сложная страна, хотя бы географически. Населения значительно больше, может быть, больше свободолюбия. Хотя в Южном Йемене удалось консолидировать общество и создать — не без нашей помощи — вполне работоспособное государство. На определенном этапе это государство довольно успешно развивалось. У йеменцев было, да и сейчас осталось, прекрасное отношение к Советскому Союзу.

⁷ См. подробнее: Khor Rori. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Khor_Rori. Wikipedia (accessed 28.10.2021).

С первым заместителем генерального директора Музея Востока Татьяной Христофоровной Метаксой на открытии выставки «Александр Тихомиров. Восточные мотивы», 2012 г.

© 2021 Фонд наследия художника А. Д. Тихомирова

По: URL: <http://tikhomirovfond.com/выставка-в-музее-востока/>
(accessed 11.11.2021)

До сих пор они с ностальгией вспоминают то время, свое народно-демократическое прошлое и Советский Союз.

Мы всегда старались брать количеством, посылали своих советников в армию и промышленность, строили крупные промышленные объекты. В Йемене например, жили и работали сотни советских специалистов, инженеров, рабочих, члены их семей. Страны Запада — Франция, Германия — выбирали иные области для влияния, создавали гуманитарные институты, пытались, и небезуспешно, объединить франко- или германофилов. Иными словами использовали «мягкую силу». У нас тоже существовали культурные центры. Но, во-первых, они располагали очень небольшим бюджетом и их деятельность была значительно более скромной, чем деятельность коллег и «заклятых друзей» из стран Запада. Очень большое влияние оказывалось через студенческую молодежь, через стипендии для обучения в вузах. У нас также существовали

такие программы, но мы, как водится, пытались брать количеством. А французы и немцы — качеством. Даже в Южном Йемене понимали, что поехать учиться гуманитарным специальностям, таким, как, например, археология или этнография, в Германию или во Францию престижнее.

— М. С.: *Работа археологической миссии — это выстраивание диалога с властями, с различными структурами, с людьми, проживающими в этих местах, с местными жителями. Как все это осуществлялось, когда вы работали в Йемене? Насколько сложная это работа? Вдобавок последние годы отмечены разрушениями многих памятников — в Афганистане, в Йемене, в Сирии. Как вы относитесь к этому, будучи специалистом, принимавшим участие в экспедициях на Ближнем Востоке?*

— А. С.: Разрушаются знаковые памятники. Будды Бамиана⁸, взорванные в Афганистане, с художественной точки зрения может быть не являлись скульптурными шедеврами, но их древность, раз-

8 Две статуи Будды (55 и 37 м), входившие в комплекс буддийских монастырей в Бамианской долине Афганистана, были разрушены талибами в 2001 г. — Ред.

Будды Бамиана

Рисунок Александра Бёрнса, 1832 г.

По: URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Бамианские_статуи_Будды (accessed 11.11.2021)

меры, мастерство изготовления выделяли их из массы буддийских памятников Центральной Азии.

Я только что получил от итальянских коллег двухтомное издание — **результаты раскопок итальянской экспедиции в Баракише**, одном из самых впечатляющих и хорошо сохранившихся памятников Йемена. Город был основан в VIII–VII веках до нашей эры, и его древние слои хорошо сохранились, из-за того что в средневековье в пределах стен древнего города продолжало существовать поселение, в котором жизнь не замирала практически вплоть до недавнего времени. Средневековые слои как бы законсервировали слои древние. Великолепно сохранились постройки, древние храмы, например, **храм Накраха**, раскопанный и восстановленный итальянскими археологами. Он очень хорошо сохранился, от подножия до перекрытия, и был воссоздан итальянскими специалистами, став изумительным туристическим объектом. К сожалению, Баракиш расположен в районе, волей случая оказавшимся ареной противостояния в гражданской войне, в вооруженном конфликте с хуситами. **Авиация коалиции разбомбила памятник, до основания разрушив восстановленный храм**, а заодно и расположенный рядом, за пределами стен

древнего города и уже покинутый к тому времени лагерь экспедиции. Зачем? К сожалению, это не единственный памятник, безвозвратно утраченный во время вооруженного конфликта в Йемене, достаточно вспомнить уютный археологический музей в Замаре, средневековые постройки цитадели Таиза и изумительные по красоте жилые дома старого города в Сане.

— М. С.: *Мы знаем, что не только военные операции, но и сами археологи могут стать причиной разрушения памятника. Отношение к археологии амбивалентно — с одной стороны, ты работаешь для сохранения культуры, с другой — для того чтобы что-то открыть, всегда необходимо что-то разрушить.*

— А. С.: К сожалению, это так; **раскопки всегда разрушение. Когда копаешь, безвозвратно разрушаешь культурный слой.** Поэтому многое зависит от умения и, если хотите, порядочности самого археолога, от того, насколько хорошо и тщательно ты фиксируешь то, что раскапываешь. Ведь если ты не зафиксировал что-то, то оно исчезло навсегда, а ты не можешь знать, насколько важны эти упущенные детали, даже мельчайшие. Иногда случается, что позднее, при написании отчета либо подготовке публикации, думаешь — «вот дурак, в поле что-

На Всероссийском съезде востоковедов в Элисте. 2021 г.

Фото © Дарья Моева

то не досмотрел». Поэтому археология — это всегда палка о двух концах.

В окрестностях Пекина есть императорский некрополь, где расположены гробницы китайских императоров династии Мин (XV–XVII вв.). Три гробницы были вскрыты и исследованы археологами, но при этом оказались утрачены многие артефакты — они просто рассыпались при соприкосновении с воздухом. Было принято решение о прекращении археологических изысканий до лучших времен, когда технологии позволят сохранять эти ценные предметы.

Директор Абаканского музея в Хакасии рассказывал мне, что они практически перестали раскапывать древние курганы и исследуют теперь только то, что оказывается на территории будущего строительства и будет так или иначе все равно разрушено, проводят так называемые «спасательные раскопки». Это всегда тяжелый выбор — копать или не копать. Но надо понимать, что когда ты копаешь — ты разрушаешь, и если можно обойтись без раскопок, то лучше обойтись без них. Правда, разрушений памятников хватает и без археологов. Это в первую очередь хозяйственная деятельность человека, войны и вооруженные конфликты, не щадящие человеческие жизни, а уж какие-то древние памятники и подавно.

КУЛЬТУРА В ОПАСНОСТИ

— М. С.: Эти вопросы как-то поднимаются на международном уровне?

— А. С.: Конечно. И неоднократно. Проводится множество конференций и мероприятий, в том числе под эгидой ЮНЕСКО. В 2016 году прошла акция «Неделя йеменского культурного наследия: музеи мира в поддержку Йемена», в которой приняли участие крупнейшие музеи: Государственный Эрмитаж, музей Метрополитен, Художественная галерея Фрира / галерея Саклера Смитсоновского института, Ашмолеанский и Британский музеи, Художественный музей Уолтерса, Лувр, Итальянский Национальный музей восточного искусства, Кунсткамера. В рамках этой акции в нашем музее с 26 апреля по 3 мая 2016 года состоялась выставка «На земле «Царицы Савской»».

В 1935 году наш соотечественник Николай Рерих добился принятия «Договора об охране художественных и научных учреждений и исторических памятников», известного как Пакт Рериха⁹. Его подписали свыше двадцати стран Северной и Южной Америки, а в 1948 году одобрила Индия. Многие идеи Пакта вошли в Конвенцию 1954 года о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта

9 Пакт Рериха (*Pax Cultura*, *The Roerich Pact*), или Договор об охране художественных и научных учреждений и

В Пакистане в июне 2019 г. после подписания Соглашения о сотрудничестве между Государственным музеем Востока и Пешаварским музеем

Фото © 2019 ГМБ
По: URL: <https://www.orientmuseum.ru/news/2019/06/soglashenie/index.php>
(accessed 11.11.2021)

(так называемую Гагскую конвенцию) и в Конвенцию ЮНЕСКО об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 года. Однако все равно проблема сохранения памятников культуры продолжает оставаться актуальной. Основной вопрос — как заставить участников вооруженных конфликтов соблюдать эти международные договоры.

В июле этого года в Национальном музее Дамаска состоялся российско-сирийский круглый стол под названием «Культура в опасности». А после него — поездка в Пальмиру для мониторинга состояния памятника. Вопросы реставрации и восстановления разрушенного исламскими террористами очень заботят сирийцев. Многие из того, что было разрушено в других районах страны, уже восстановлено, в Дамаске вновь открылся Национальный музей. Однако приступить к восстановлению разрушенных объектов древней Пальмиры и

музея в современном городе Тадмор¹⁰ пока не получается. Существует договоренность о проведении таких работ под эгидой ЮНЕСКО в сотрудничестве с фондом Ага-хана¹¹ и участием учреждений культуры и благотворительных организаций из разных стран, в том числе Государственного Эрмитажа и нашего музея. Идея восстановления Пальмиры остается важной.

— М. С.: Какое участие в восстановлении памятников Сирии принимает Россия?

— А. С.: Подписаны соглашения между Департаментом древностей и музеев Сирии и Государственным Эрмитажем, а также Институтом истории материальной культуры РАН, расположенном в Санкт-Петербурге. Российские археологи создали трехмерную модель древнего памятника, что должно существенно помочь в его восстановлении. Однако для начала масштабных работ нужна детально разработанная программа, согласованная со всеми заинтере-

исторических памятников, или Вашингтонский Пакт (*Washington Pact*) — первый в истории международный договор о защите культурного наследия, установивший преимущество защиты культурных ценностей перед военной необходимостью, подписанный в Вашингтоне представителями двадцати одной страны Северной и Южной Америки 15 апреля 1935 года. — *Ред.*

¹⁰ Город в центральной Сирии в провинции Хомс, на окраине которого расположена Пальмира. — *Ред.*

¹¹ *The Aga Khan Fund for the Economic Development* (AKFED) — международное агентство по развитию, посвященное поддержке предпринимательства и строительству экономически устойчивых предприятий в развивающихся странах. — *Ред.* См.: AKDN: About us. AKDN. URL: <https://www.akdn.org/our-agencies/aga-khan-fund-economic-development> (accessed 28.10.2021).

сованными сторонами. Есть понимание, что процесс восстановления в форме международной кооперации должен идти через ЮНЕСКО. Конечно, это означает, что будет много бюрократии, много чиновников и вообще все будет не так просто. Но все это неизбежно, особенно когда дело касается выдающихся памятников, составляющих культурного наследие человечества. Имеющийся успешный опыт работ подобного рода, также проводившихся под эгидой ЮНЕСКО, внушает оптимизм. Я имею в виду и работы в зоне затопления озера Насера при строительстве Большой Асуанской плотины, и работы по сохранению руин Мохенджо Даро, и реставрацию храмового комплекса Боробудур, и многое другое.

— М. С.: *А в чем отличие между присутствием Советского Союза на Ближнем Востоке и России? Насколько нам вообще необходимо там присутствовать?*

— А. С.: Опять вы задаете вопросы, находящиеся вне моей компетенции. Могу только сказать, что если мы не хотим скатиться на уровень региональной державы, мы должны участвовать в делах не только Ближнего Востока, но и других точек земного шара. Не секрет, что уход с Ближнего Востока был не только добровольным, но и вынужденным — вспомним высылку из Египта наших военных советников. Надеюсь, что в будущем такое не повторится.

СПОРЯТ ЛИ О ВКУСАХ, УСТРАИВАЯ ВЫСТАВКИ?

— М. С.: *Вы директор музея Востока и оказываете решающее влияние на определение направления работы музея. Насколько для вас важно чтобы ваша работа влияла на людей, формировала отношение к другой культуре как к ценности?*

— А. С.: Вы очень точно сформулировали цель нашей работы как музея — **формирование отношения к другой культуре как к ценности**. Все, что мы делаем, мы делаем для посе-

тителей. Может быть, не всегда это получается так, как нам бы хотелось, но повторяю — мы работаем для публики и нам в первую очередь нужно получать отклик от нее. **Если ты сделал выставку, которая тебе как специалисту кажется важной и интересной, но ее посетили пять человек, то ее вряд ли можно назвать удачной**, даже если с научной точки зрения она сделана безукоризненно. Конечно, мы ориентируемся на собственный вкус, который считаем чуть более высоким, чем вкус, скажем так, «усредненной» публики. Мы пытаемся «подтягивать» наших посетителей.

— М. С.: *Какая выставка за последние годы прозвучала громче всего и вызвала у вас удовлетворение?*

— А. С.: До сих пор вспоминается выставка оружия и доспехов самураев из частной коллекции, проходившая у нас в музее лет двенадцать назад. В 2011 году состоялась прекрасная выставка **«Русский Китай»**, где экспонировались предметы из коллекции известного историка моды Александра Васильева и нашего собрания [Васильев, Кузьменко, 2011]. Кстати, в декабре этого года мы, даст бог, реализуем аналогичный проект под названием **«Русский Стамбул»**. На столетие музея в 2018 году мы провели целую серию выставок предметов из нашего собрания — от археологии до современного искусства. С большим успехом прошли выставки о среднеазиатском авангарде **«От голубой розы к золотому гранату. Образ Востока в русском искусстве первой половины XIX века»**¹², **«Восток. Другая красота»** — как представляли женский идеал красоты в разных странах Востока, **«Избранное за полвека. Живопись, графика, скульптура Кавказа и Средней Азии»**. Из совсем недавних — это **«Роскошь заката. Искусство каджарского Ирана»** весной и в начале лета этого года, очень хорошо принятая публикой. Превзошло наши ожидания **открытие павильона на ВДНХ**. В одной части его выставочного пространства представлена экспозиция

12 См. о выставке: Васянин А. В музейной выставке переосмыслили красоту Востока. *Российская газета*. URL: <https://rg.ru/2018/03/15/v-muzejnoy-vystavke-pereosmyslili-krasotu-vostoka.html> (accessed 28.10.2021).

На открытии выставки
«Роскошь заката.
Искусство кадджарского
Ирана»

Фото © Наталья
Стрельцова
ИА REGNUM
По: [https://regnum.ru/
news/3270754.html](https://regnum.ru/news/3270754.html)

произведений Николая и Святослава Рерихов, а в другой по типу восточного базара выставлены предметы из нашего хранения, которые редко показываются публике. Востребованность этих экспозиций нас приятно удивила. Сейчас павильон закрыт на реэкспозицию и вновь откроется в декабре 2021 года.

— М. С.: *А каких специалистов для работы в музее вы ищете сегодня? Какие навыки особенно важны для работника Музея Востока?*

— А. С.: Прежде всего, нам нужны хранители со знанием восточных языков, а также молодые люди со знанием компьютерных технологий, которые хотели и могли бы посвятить свою жизнь работе в музее. К сожалению, как и в Академии наук, **остро стоит необходимость омоложения кадров.** Но нельзя взять человека с улицы и сделать его хранителем той или иной коллекции. Хранителем человек становится после минимум двухлетнего стажа работы в музее, когда поймет, что это именно его призвание — работа с вещами. У нас появляются молодые сотрудники, но, к сожалению, долго не задерживаются, хотя бывают радостные исключения. Возможностей у нас достаточно. Есть полная свобода в создании выставок — пожалуйста, придумывай. Хочешь — со стороны, из других музеев или частных коллекций, хочешь — из нашего собрания. Если есть идеи — все в твоих руках.

— М. С.: *А как в музее относятся к современному искусству? Насколько вам важно развивать современное направление?*

— А. С.: Мы часто устраиваем выставки современного искусства как зарубежных, так и российских художников, связанных с Востоком. И отнюдь не только представителей традиционного, реалистического направления. Часто договариваясь с зарубежными партнерами о выставках, мы просим их привозить работы современных художников, чтобы понять, каковы современные тенденции развития этого вида искусства в той или иной стране Востока и показать их. За последние годы у нас прошла целая серия выставок современных художников из Южной Кореи и Японии. Очень авангардные работы. **Мы не только музей классического восточного искусства, мы обращаем внимание и на современные формы.**

— М. С.: *Благодарю вас за интересную беседу, Александр Всеволодович!*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Вяземская К. Т. Лувр Абу-Даби на пересечении цивилизаций. *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2020. № 1–2. С. 196–202 [Vyazemskaya K. T. *Vostochnyi Kurier / Oriental Courier*. 2020. No. 1–2. Pp. 196–202 (in Russian)].

Институт востоковедения РАН. Прошлое и настоящее. К 200-летию основания. Авт-сост. Д. В. Дубровская; отв. ред. В. В. Наумкин. М., 2018. — 334 с. [*Portrait of the Institute of Oriental Studies against the Background of Russian History*. D. V. Dubrovskaya (comp.), V. V. Naumkin (ed.). Moscow, 2018. — 334 p. (in Russian)].

Михайлов С. В. Динара Дубровская: сорок лет в востоковедении *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2021. № 3–4. С. 39–56 [Mikhailov S. V. Dinara Dubrovskaya: Forty Years in Oriental Studies *Vostochnyi Kurier / Oriental Courier*. Pp. 39–56 (in Russian)].

Русский Китай. Из коллекций Александра Васильева и Государственного музея Востока. Каталог выставки. М.: Государственный музей Востока, 2011. — 172 с. [*Russian China. From the Collections of Alexander Vasiliev and State Museum of Oriental Art. Exhibition Catalogue*. Moscow: State Museum of Oriental Art. — 172 pp.].

ЭЛЕКТРОННЫЕ ИСТОЧНИКИ / ELECTRONIC SOURCES

Александр Всеволодович Седов. Институт востоковедения РАН [Alexander Vsevolodovich Sedov. Institute of Oriental Studies, RAS (in Russian)]. URL: <https://www.ivran.ru/persons/165> (accessed 29.10.2021).

Васянин А. В музейной выставке переосмыслили красоту Востока. *Российская газета* [Vasyanin A. Rethinking the Beauty of the East in the Museum Exhibition. *Rossiiskaya Gazeta* (in Russian)]. URL: <https://rg.ru/2018/03/15/v-muzejnoy-vystavke-pereosmyslili-krasotu-vostoka.html> (accessed 28.10.2021).

Городище «Чайка». Сельскохозяйственная фактория Керкinitиды. *WayBack Machine* [Chaika Archeological Site. Agricultural Factoria of Kerkinitida. *WayBackMachine* (in Russian)]. URL: <https://web.archive.org/web/20090130033431/http://evpatoriya-history.info/history/begin/chayka.php> (accessed 28.10.2021).

Социально-культурное развитие стран Восточной Азии. Магистерская программа Восточного факультета ГАУГН. *Государственный академический университет гуманитарных наук* [Socio-Cultural Development of the Countries of Eastern Asia. Magister Programme of the Eastern Faculty of GAUGN. *GAUGN* (in Russian)]. URL: <http://helium.global/gaugn/master-culture> (accessed 29.10.2021).

AKDN: About us. *AKDN*. URL: <https://www.akdn.org/our-agencies/aga-khan-fund-economic-development> (accessed 28.10.2021).

Becker J. A. Temple of Bel, Palmyra. *Khan Academy*. URL: <https://www.khanacademy.org/humanities/ancient-art-civilizations/palmyra2/ancientpalmyra/a/temple-of-bel-palmyra> (accessed 28.10.2021).

Khor Rori. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Khor_Rori. *Wikipedia* (accessed 28.10.2021).